

Где живёт счастье?

12+

Сергей Серванкос

Сергей Серванкос
Где живёт счастье?

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Серванкос С.

Где живёт счастье? / С. Серванкос — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-97126-4

Стремление к счастью нас объединяет. В то же время разделяет, ведь у каждого своё понятие о счастье и смысле жизни. В этом романе описаны судьбы разных людей нескольких поколений небольшого поселения. Возможно, одна из них похожа на вашу. Автор приглашает вас вместе с героями романа отправиться на поиски счастья.

ISBN 978-5-532-97126-4

© Серванкос С., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

1. Ивановы	5
2. Сидорчуки	8
3. Ёлкины	11
4. Просины	13
5. Родина	16
6. Работа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Серванкос

Где живёт счастье?

1. Ивановы

“Что же получит человек за все свои труды и стремления своего сердца, когда он трудится под солнцем?”(Экклезиаст 2:22)

Огромный дуб скрипел кряжистыми ветками, снисходительно поглядывая на маленькую иву у прозрачного пруда в соседнем дворе. Он всем своим видом показывал, что презирает таких бесхребетных, как его соседка, которые гнутся от малейшего дуновения ветра. То ли дело он – богатырь, несгибаемый великан, которому никакой ветер нипочём.

Почти сто лет кучерявый страж несёт вахту на красивой лужайке возле двухэтажной усадьбы. Впрочем, эта усадьба появилась совсем недавно, раньше здесь стояла покосившаяся старая избёнка, похожая на множество своих близняшек, рассыпанных возле деревенского пруда на опушке векового леса. Много разного люда жило в ней. Даже старина Дуб забыл, когда её построили и сколько человеческих поколений прошло за это время. Да и не резон ему – властителю времени и могущества опускаться до уровня этих букашек и интересоваться такими мелочами.

Ива склонив тонкие ветви к воде с восхищением поглядывала на великолепный Дуб, который отражением в зеркале пруда пугал холодной необъятностью. Она думала о том, как это, видимо, здорово с такой высоты обозревать окрестности! Как много должно быть он знает! И как далеко может смотреть! Не то что она. За недолгую жизнь только и дел, что переживать за семью Ивановых.

Уже пятое поколение сменяя друг друга, живёт эта семья в добротной хате, заметно перестроенной в последнее время. Для Ивы она осталась всё такой же родной и красивой, какой была ещё тогда, когда ивовый пруттик вращал корнями в илистый берег пруда. Да, много времени утекло с тех пор, она привыкла считать себя частью этой семьи, делить их печали и радости.

А вот её любимица – маленькая Иришка, опять с соседским Вадиком бежит к пруду. Рыженькая девчужка, пятнадцати лет отроду, худенькая как лебёдушка, с длинными тонкими ножками. Мчится, весело смеясь и уворачиваясь от загорелых рук чернобрового соседа.

– От меня не уйдёшь! – кричит курносый Вадик, безуспешно пытаясь поймать шустрюю девчонку.

– Не догонишь, не догонишь! – озорно дразнит преследователя Ира, в очередной раз ускользнув от захвата.

Изрядно устав, мальчик стал рычать от злости:

– Всё равно поймаю!

Услышав злые нотки в голосе друга, Ира сбавила ход, позволив потной ладони Вадика ухватиться за её левую руку.

– Вот и попалась! – довольный выдохнул запыхавшийся сосед.

Они уселись на берегу пруда и стали бросать камешки в отражение синего неба и Дуба-великана.

– Отец говорит, что ему уже больше трёхсот лет, – отдышавшись, сказал Вадик.

– Кому? Твоему отцу? – хихикнула Ира.

– Дубу! Дура!

– Сам дурак, – Ира быстро вскочила на ноги и побежала вдоль пруда.

– Ну и катись на все четыре стороны, – буркнул Вадик и побрёл к дубу.

Ива грустно качнула ветвями им вслед и предалась воспоминаниям. Совсем недавно это было, когда маленькую Иришку привезли из роддома. Стоял жаркий июль. Олег Иванов худощавый, под два метра ростом, казался похожим на циркуль-измеритель, вышагивал вдоль берега пруда и пел колыбельную для своей дочурки. А Вера – его жена хлопотала возле накрытого стола посредине двора, делая последние приготовления к приёму гостей. Ей помогала соседка Валя, пухленькая молодая женщина с модной короткой стрижкой и ярким макияжем.

– Ёлкины тоже придут? – спросила Валентина хозяйку.

– А как же! Всё таки родственники.

– Я бы таких родственничков на свой порог не пускала. Её Павел совсем спился. Опять кардобалет здесь устроит и Клавку отлупит. Вот дура, так дура с таким пропойцей живёт.

– Куда ж деваться, – вздохнула Вера, смахнув полотенцем пот со лба. – У них же дети!

– Я и говорю: дура, она и есть! Нарожала этому охламону мал мала меньше, а теперь мается.

– Ладно, Валюш, ей такая жизнь нравится, пусть живёт!

– А Просины тоже будут?

– Конечно. Мой Олежик сильно сдружился с Виктором. Они в одной бригаде работают.

– А тебя не пугает, что про них в посёлке говорят? – прошептала Валентина подойдя поближе.

– Что? Ты про секту? Да мало что люди набрешут. Они у нас уже несколько раз в гостях были. Ну говорят о Боге, о Библии. Много, кстати, интересного рассказывают. Мало ли кто сейчас и во что верит! Ты лучше мне помоги посуду расставить, а то уже пятый час, скоро Иришку кормить, а у меня конь не валялся.

Женщины принялись усердно сервировать стол, а Ива вспомнила, как началась дружба Ивановых и Сидорчуков, живущих возле Дуба.

Мужья были знакомы с детства, а жёны познакомились на похоронах матери Сидорчуков. Она до последнего жила в старенькой избёнке, не желая переезжать к сыну. Дмитрий Сидорчук был преуспевающим бизнесменом, как принято теперь говорить. Он давно оставил родительский дом и перекочевал в город. Там занимался перепродажей запчастей, в итоге открыл свой магазин и вскоре разбогател. Теперь у него сеть автосервисов по всей области, оборудованных в лучших европейских традициях.

Ивановы сильно помогли им тогда с похоронами. За старушкой, по-сути, они досматривали. Своего отца Олег похоронил намного раньше, а мать их бросила ещё в детстве. Вера с Валеёй быстро подружились, а Олег с Дмитрием сначала не особо ладили, ещё со школы у них были натянутые отношения, но когда Сидорчук решил переехать в родное гнездо, предварительно его перестроив, тут они нашли точку соприкосновения. Олег был классным каменщиком и плотником, поэтому взялся помочь соседу со строительством. Они стали чаще общаться, в итоге подружились, ведь у Дмитрия в основном были только недруги и завистники вокруг. Поэтому в лице Олега он нашёл себе настоящего друга, с которым можно было просто поболтать и поделиться накипевшим.

Гости собрались под вечер, когда солнце стало проваливаться за сосновые верхушки леса. В селе всегда так, пока хозяйство не управят за гармонь не берутся. Все гулянки после заката, часто до утра, а там карусель деревенской жизни берёт новый оборот и опять всё сначала. Вот и сейчас уже зажгли переносную лампу над местом пиршества, которую тут же облепили мошки и ночные мотыльки. Гости расселись за узким столом, точнее за тремя столами, выставленными в ряд и накрытыми рулонным целлофаном.

– Дорогие гости! – как можно торжественнее сказал хозяин. – Рад видеть вас в такой радостный для меня день. Признаюсь честно я долго ждал этого дня и очень рад что он наступил.

– Мы строили, строили и, наконец, построили! – голосом Чебурашки прокричал Ёлкин Павел, пришедший уже навеселе.

Все захлопали, а Клавдия одёрнула мужа. Тот оттолкнул её руку, поднялся со стула и вытянув руку с рюмкой громко сказал:

– Давайте выпьем за мою племяшку!

Гости выпили и стали закусывать. На время поглощение праздничных салатов и пюре с котлетами стало главным занятием. Почти все были очень голодны, а выпитый алкоголь только добавил аппетита. Потом приглашённые один за другим стали говорить тосты и очень скоро над почерневшей гладью пруда зазвенела тягучая песня про мороз, потом про опавший клён, пока весь застольный репертуар не был исполнен. Сидорчук принёс здоровущий магнитофон допотопных времён и начались танцы.

Изрядно подвыпившие гости разбились на маленькие группки. Кто-то продолжал танцевать под ритмы восьмидесятых, кто-то сидел за столом и что-то громко обсуждал, а счастливый отец Иришки покачиваясь шёл к берегу пруда, обнимая за плечо Просина Виктора крепкого молодого мужчину в сером костюме, белой рубашке с бирюзовым галстуком. Виктор сильно выделялся на фоне изрядно расшатанных выпитым соседней, потому что был практически трезвым.

– Слушай, Витёк, – заплетающимся языком промямлил новоиспечённый папаша. – Пойдём выпьем за мою Иришку!

– Мне кажется, что ты уже достаточно за неё выпил, ей такую меру никогда не одолеть, – пошутил Просин.

– Не понял! Ты меня уважаешь?

– Иначе я бы не пришёл.

– А если уважаешь, тогда пошли выпьем!

– Извини, Олег, но пить я с тобой не буду, да и тебе больше не советую.

– Тёти-моти, смотрите какой праведник выискался! – вмешался в разговор подошедший Ёлкин. Он давно искал с кем бы зацепиться и подраться. Клавдия сбежала детей укладывать. А Павел, миновав стадию “Пей!” и дошедший до кондиции “Бей!”, сейчас курсировал от одной группы к другой ища на ком можно почесать кулаки. Засаленный ворот его красной рубахи был расстёгнут, на впалой груди поблёскивал оловянный крестик.

Просин промолчал, потом пожал Олегу руку и сказал:

– Ещё раз поздравляю с рождением дочери! Спасибо тебе и Вале за отличный праздник! Мы с Алей пойдём.

– Что противно с нами? Тебе запахло с такими, как мы общаться? – Ёлкин схватил Виктора за ворот пиджака и замахнулся сжатым кулаком, но Олег схватил его за руку и они дружно завалились у ног Просина.

Подняв друга, Виктор протянул руку, пытающемуся встать, Ёлкину, но тот отмахнулся от неё, как от страшной заразы и злобно прорычал:

– Пошёл ты со своей монашкой к матери! Нечего тут нам православным христианам мозги пудрить. Я ещё до вас доберусь! Мразь американская!

Он с трудом встал на ноги, продолжая выкрикивать угрозы, шатаясь и спотыкаясь, пошёл домой.

Ива плохо разбиралась в религии, да и знать не знала, что это такое, но злобу она ненавидела всем своим нутром, поэтому ей было неприятно, когда рядом ругались. Казалось, чего им не хватает: солнце для всех светит одинаково, рядом пруд – воды навалом, земля в этих местах жирная и плодovitая. Так нет, всё что-то выясняют, из-за чего-то ругаются, что малые, что большие. Чего этим людям надо? – думала Ива, шелестя тонкими листочками над чёрной гладью, усыпанного звёздами пруда.

2. Сидорчуки

“Радостное сердце делает лицо весёлым, а сердечная боль поражает дух” (Притчи 15:13)

Дима Сидорчук рос хилым мальчуганом, которого неохотно брали в свои команды деревенские ребята во время игр. Да и не особо ему хотелось играть, не любил он пустое времяпровождение, каковым считал развлечения. То ли дело с отцом в колхозный гараж сходить, да прокатиться на новеньком узике. Его отец был личным водителем председателя колхоза. Димка готов был весь день просиживать в гараже. Он плохо учился в школе, но к восьмому классу знал практически всё об устройстве автомобиля. Помогая отцу и внимательно следя за всем, что тот делал, когда чинил или обслуживал машину, юный Сидорчук стал настоящим спецом в автомобильном деле. Он твёрдо решил, что это его призвание и с нетерпением ждал, когда сможет заняться любимым делом по-настоящему.

С трудом получив аттестат об окончании средней школы, Димка поехал поступать в автомобильный техникум, но успешно провалив экзамены, домой не вернулся. Устроился в ПТУ на автослесаря и стал привыкать к городской жизни. Она ему нравилась намного больше деревенской. Пуще всего его устраивало то, что народу вокруг много, но никому до тебя нет дела. В деревне там все друг друга знают и не дают прохода, если ты не такой, как они. А здесь свобода! Будь кем хочешь, когда хочешь и сколько хочешь. Правда, очень скоро Димка понял, что и в городе не всё так просто, как казалось вначале. За всё надо было платить, воды попить и то за деньги! Вот и стал новоиспечённый горожанин учиться зарабатывать эти самые деньги, без которых свобода была сильно ограниченной.

Начал с малого: покупал на оптовой базе всякую мелочь, а вечером в общаге продавал, накручивая порой до двух цен на товаре. Все знали, что если что-то надо достать срочно, прямо к Сидору, как его звали меж собой сверстники. В любое время он примет и достанет все, что надо. Со временем Дмитрий переключился на перепродажу вещей покрупнее. Джинсы, магнитофоны и другие редкости доперестроечного СССР стали неотъемлемой частью его обихода.

Сидорчук быстро стал богатеть, тратить деньги на себя он не спешил, а постоянно вкладывал их в новые закупки товара. Закончив учиться в училище, Дмитрий попал по распределению в городскую автомастерскую. Чтобы не поехать в родной колхоз пришлось немного раскошелиться, но Сидор уже прекрасно усвоил, что есть вложения, которые быстро окупаются, поэтому никогда не жалел денег, если видел выгоду. На выгоду у юного коммерсанта было удивительное чутьё, которое его никогда не подводило.

Очень быстро молодой слесарь обзавёлся кооперативной квартирой. Перед этим Сидорчук сумел убедить призывную комиссию, что служба в Вооружённых Силах ему крайне противопоказана. Опять же пришлось солидно потратиться, но уже через год это вложение вернулось трёхкратной выгодой.

Горбачёвские перестройка и ускорение позволили Дмитрию Фомичу Сидорчуку быстро из подпольного миллионера стать одним из самых уважаемых людей города. Он открыл свой автомагазин одним из первых, потом второй, третий и вскоре подмял под себя весь автосервис области, предварительно сделав большие вложения в финансирование местной преступной группировки, а также городской и областной управы.

На личном фронте Дмитрий Фомич был не столь успешен. Нелюдимый, постоянно занятый делами, редко отдыхая он был вполне удовлетворён своей жизнью и всегда считал, что одного его для счастья вполне достаточно. Только, чем старше он становился, тем чаще стал задумываться о том, а зачем всё это.

К родителям он не ездил с тех пор, как уехал в город. Отец приезжал несколько раз, а потом стал часто болеть и не мог приезжать к сыну. Димка даже на его похороны не поехал, выслал телеграмму, что лежит в больнице и не может быть на похоронах. На той неделе у него

были важные дела, он не мог себе позволить упустить выгодную сделку. Теперь, когда воспоминания об отце терзали сердце, успешный предприниматель стал выпивать, но алкоголь только сильнее терзал душу.

Тяжелее всего было в новогодние праздники, когда работа уходила в загул русской души и несколько дней вяло приходила в себя после весёлого отдыха. Дмитрий ненавидел эти дни. Он залегал, как медведь в своей берлоге, и тупо смотрел телевизор, попивал водочку и отсыпался на весь год вперёд. В эти дни совесть особенно лютовала, разрывая сердце завываниями тоски и стыда. Этот лютый зверь грыз безжалостно и больно. Сидорчук всячески отбивался, оправдывая себя, ругая систему, которая довела его до всего этого или же просто бил по острым зубам надоедливой истязательнице, отключая сознание алкоголем.

Однажды пытаясь залить тоску на сердце он выпил поллитра Смирновской водки. Боль в сердце не утихала, слёзы обожгли добротные щёки захмелевшего Сидорчука. Он уронил голову на крышку стола из карельской берёзы и стал горько плакать. Жуткая пустота и безысходность душили, хотелось кричать, биться головой о стену, вырвать неуспокаивающееся сердце, забросить его далеко-далеко. Дмитрий Фомич вскочил из-за стола и вышел на балкон, распахнув настежь дверь. Стоял морозный январь. Ледяной воздух саданул в лицо, немного взбодрив пьяного миллионера. Опершись на перила, Сидорчук стал закидывать ногу на них, но никак не мог этого сделать, теряя равновесие и падая. Во время очередной попытки слева раздался истеричный женский крик:

– Вы что сдурели? Караул! Он убиться хочет!

Дмитрий Фомич невольно посмотрел в сторону крика. На соседнем балконе стояла молодая пухленькая женщина и, выпучив испуганные глаза, громко кричала:

– Помогите! Он прыгать собрался!

– Чё орёшь, дура! Ничего я не собрался, – морозный воздух и крик соседки вернули Сидорчука к реальности. Он внимательнее посмотрел на девушку и спросил: – Что испугалась? Думала я самоубийца? Надо быть полным идиотом, чтобы со второго этажа это делать. Просто проветриться решил.

– Ой, я забыла, что здесь второй этаж. Я раньше на восьмом жила.

– А как тебя зовут, сердобольная?

– Валентина.

– Очень приятно! А меня Дмитрий. Вот и познакомились. Может продолжим знакомство в более тёплой обстановке?

– Что вы имеете ввиду?

– В гости приглашаю. Хочу за спасение отблагодарить, – засмеялся Дмитрий.

– Хорошо, я сейчас.

Так в жизни Сидорчука появился ещё один смысл. Вскоре они поженились, а их первая встреча через девять месяцев была отмечена появлением Вадика, лупоглазого малыша на четыре килограмма.

Потом были похороны матери и переезд в родные края. Дмитрий Фомич Сидорчук полюбил свою новую двухэтажную усадьбу. Хотя бывал он дома не так часто, но эти редкие дни давали ему тот запас желания жить дальше, который порой улетучивался также быстро, как наполнялись его счета в разных банках.

Приезжая домой, глава Сидорчуковского рода любил посидеть на скамеечке под раскидистым дубом, который не обращал никакого внимания на маленького человечка, решившего устроиться под его могучими ветвями. Дмитрий же, сидел и не замечал Дуба, хотя порой завидовал его беззаботности. Обычно в эти минуты он думал, что его жизнь также бессмысленна, как и жизнь этого великана. Что толку, что он такой здоровый и старый, всё равно придёт конец и ему когда-то, и никому до этого не будет никакого дела. Только он стоит и в ус не дует, а мне уже всю плешь проела эта заноза: зачем всё это? Для чего? Ладно я, семью кормлю, деньги

зарабатываю, но зачем такие, как Ёлка-Палка, так они с детства дразнили Ёлкина Пашку, зачем он коптит этот свет и жизнь другим отравляет?

Чудно однако! Сидорчук вспоминал, как всегда завидовал этому крепкому мальчугану, грозе всей округи. А вон, как жизнь обернулась: теперь эта гроза превратилась в заболоченную лужу на краю села, в которую каждый проходящий норовит плюнуть.

3. Ёлкины

“Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно приятно пьётся. Под конец оно укусит, как змея, и пустит яд, как гадюка”(Притчи 23:31,32)

Пашка Ёлкин отсыпался после очередного запоя. Солнечный луч буравил слипшиеся глаза. Мухи облепили подбородок, покрытый недельной щетиной и засохшими крошками вчерашней закуски. Клавдия, вытирая уставшее лицо засаленным фартуком, вошла в комнату и пнула мужа по свешенной с кровати грязной ноге:

– Вставай, пьянь! Опять на работу опоздал.

– Отстань! – рявкнул Ёлкин, накрываясь измятой подушкой. – Я болею.

– Знаю я твою болезнь! Вчера опять надрался до чёртиков, и когда это закончится! Обещал ведь больше не пить, – Клавдия присела на стул, безвольно уронила руки на колени, уткнулась в них лицом и расплакалась.

В это время в пороге тесной горницы замерли две девчушки очень похожих друг на друга. Им было всего по четыре года отроду, но испуганные глазки кричали непониманием и в то же время привычностью виденного.

Клавдия заметила дочек и переключила внимание на них:

– Чего уставились? А ну марш отсюда!

Девочки быстро выскочили из комнаты. Они прекрасно знали, что к маме лучше не подходить, когда папа отдыхает. Поэтому они выбежали во двор и стали играть почерневшими от грязи консервными банками и двумя потрёпанными куклами, которые им когда-то подарила бабушка. Близняшки быстро увлеклись игрой. Лена изображала покачивающегося папу, а Поля сердитую маму.

– Эй, мелюзга, что там дома? Бои закончились? – в калитке стояла девушка лет четырнадцати в коротком платьице, подстриженная под мальчишку.

– Лёля! – весело закричали двойняшки и кинулись к сестре.

– Отстаньте! Что там дома? Пожрать дадут или всё ещё воюют?

– Папа спит, а мама плачет, – в один голос сказали Лена и Поля.

– А Сашка дома?

– Нет. Он всё не присёл.

– Ясненько. Ладно, отвалите! Играйте дальше.

Оля осторожно вошла в дом и хотела прошмыгнуть в детскую, но мать увидела её и тут же закричала:

– Ты где была, шалава? Почему дома не ночевала?

– А тебе какое дело? Где хотела там и была.

– Как это какое дело?

Но дочь её уже не слушала. Она захлопнула дверь в комнату, закрылась на щеколду и легла на свою кровать возле окна. Сон валил с ног, совсем не хотелось в очередной раз выслушивать материнские нотации и причитания о том, как она из шкуры вон лезет, чтобы их прокормить и в люди вывести. Засыпая, в тысячный раз из-за двери она слышала крик матери:

– Шлюха! Ты кончишь, как твой отец-пропойца! Открой, паскуда!

Стук в дверь и крик матери очень быстро растаяли в тумане сильного дождя. Раскаты грома и вспышки молнии пугали одинокую девушку пробирающуюся через лесную чащобу. Ветки царапали щёки, платье промокло насквозь. Впереди светился тусклый огонёк, который то появлялся между корявых ветвей, то опять исчезал. Оля наклонившись вперёд с трудом шла против бушующей стихии к манящему свету. Вдруг из-за дерева выскочил огромный мужик. В нём перепуганная девчонка узнала отцовского старшего брата и главного собутыльника – дядю Гришу. Он схватил её за руку огромной волосатой лапицей и повалил на мокрую землю,

всем телом навалившись сверху. Оля стала отбиваться, но все сильнее чувствовала, что силы иссякают, рот жадно хватает воздух, но его всё равно не хватает.

Тут она проснулась. Над ней стояла кричащая мать, с пустым ведром в одной руке. Другой рукой она тянула дочь за руку, пытаясь поднять её с постели. Ольга вскочила на ноги и оттолкнула мать:

– Ты чё, совсем сдурела! – мокрое платье облепило стройную фигурку.

– Я тебе дам “сдурела”! А ну марш катухи чистить!

– Щас! Дай разбегусь сначала, – с издёвкой выпалила Ольга и выбежала в выбитую дверь.

Она побежала на другой край села, туда где жила бабушка Тоня, мать Павла. Дед умер давно, Оля плохо его помнила, а бабулю любила. Когда она вошла в дом, увидела Сашку. Он сидел за столом и аппетитно жевал корку хлеба, запивая молоком из гранёного стакана.

– Привет! – сказала Ольга, усаживаясь рядом и, жадно схватив кусок хлеба, стала быстро его поглощать, запивая молоком. – А бабуля где?

– В магазин ушла, – буркнул мальчишка и продолжил спокойно жевать.

Ольга выпила молоко, доела хлеб и пошла в другую комнату, где стояла большая кровать. Там она быстро сняла всю мокрую одежду, шмыгнула под цветастое одеяло, свернулась калачиком и уснула.

Тем временем Ёлкин Павел проснулся от нестерпимой боли в голове. Ощущение, что ты колокол, в который тарабанят сразу все звонари мира, разрывало на части не только мозг но и всю сущность проснувшегося. Скривив мину человека, у которого только что вырвали здоровый зуб без наркоза, он попытался втиснуться в окружающую реальность. Только одна мысль звенела в унисон главному колоколу: “Надо срочно похмелиться!”

– Клав! – рявкнул что есть мочи хозяин дома и скривился от боли ещё одного вырванного наживую здорового зуба.

– Чё, очухался? – вытирая руки о фартук, зашла в комнату хозяйка.

– Дай чего-нибудь опохмелиться, – умоляюще промямлил Павел.

– Ага, щас! А кочергой по рёбрам опохмелиться не хочешь?

– Ладно, будь человеком! Помру ведь!

– Не велика потеря! Сдох бы, изувер проклятый, может жить по людски стали бы, – Клавдия опять села на стул и заплакала.

– Клавушка, родная, – Ёлкин встал и пошатываясь подошёл ближе. – Не плачь! Я больше не буду, вот опохмелюсь и в завязку. Вот тебе крест! – он трижды перекрестился и обнял жену.

– Нет у нас ничего, ты же всё выжрал! – всхлипывая, но уже более мягким голосом, сказала Клавдия.

От его рук она таяла. Вспомнилось сразу то чувство, когда впервые он взял её, выпускницу местной школы, семнадцатилетнюю девчонку, за талию, пригласив на танец. Мурашки пробежали тогда по всему телу. Статный, красивый, высокий парень – мечта всех деревенских девчат кружит с нею в танце. Валя была вне себя от счастья. Вот и сейчас, когда руки мужа коснулись её тела, мурашки побежали до самых пяток, словно ластиком стирая с души страшные раны, которые всего пару минут назад не давали думать ни о чём, как только о мести, справедливости, разводе и поиске нового счастья с кем угодно, только не с этой мразью.

– А ты сгоняй в сельпо, купи чекушечку – здоровье поправить, – он привлёк жену к себе и крепко поцеловал в губы, потом подхватил на руки и перенёс на кровать.

4. Просины

“Просите – и получите, чтобы ваша радость была полной” (Иоанна 16:24)

Чёрная форма морского пехотинца невольно притягивала внимание прохожих. Виктор Просин вышагивал по улице прекрасно понимая, что все смотрят на него. Ради таких минут он был готов терпеть дурдом службы в гвардейской бригаде на берегах далёкой, сырой и неприветливой Балтики. Как часто в ночные вахты, после очередного разноса от командира, хотелось просто пристрелить себя, чтобы закончить эту бессмысленность раз и навсегда, но воспоминания о доме, о маме и отце, сёстрах не давали этого сделать. В другие дни, когда чёрную полоску тельняшки жизни сменяла светлая полоса, Виктор представлял, как поедет в отпуск, пройдёт по родному селу, лихо заломив чёрный берет на макушку и выставив наружу кучерявую чупрыню. Он млел от чувства гордости и своего превосходства над серостью той обыденности, которая съедает его изо дня в день, всех, кто открыв рот сейчас смотрят на него с нескрываемой завистью.

Ещё пару часов и он будет дома. Мысли об этом полностью завладели бравым морпехом. Вот-вот должен подъехать автобус, который доставит его в родную Семёновку. Нетерпеливо перебрасывая небольшой чемодан из одной руки в другую, Виктор не заметил, как к нему подошли две старушки и поздоровались.

– Здравствуйте! – пытаюсь вспомнить кто это, удивлённо сказал отпускник.

– Мы беседуем со всеми людьми о нашем будущем. Как вы думаете, каким оно будет?

– А шут его знает, – не понимая сути происходящего, ответил морпех.

В это время подъехал автобус. Виктор показал на него рукой, чтобы побыстрее избавиться от старушек, сказал:

– Извините, мой автобус, – и быстро пошёл к открывшейся двери.

– Возьмите этот трактат! Из него вы узнаете, что о нашем будущем сказано в Библии, – догнав Виктора, когда он поднимался в автобус, сказала одна из бабулек и сунула ему в руку маленький листок.

Просин спрятал бумажку в карман и сел на свободное место. Наконец-то последний бросок и дома! Он опять представил восторженные взгляды односельчан и чувство гордости девятим валом окатило с ног до головы. Сердце радостно запрыгало внутри от сладкого ожидания. Чтобы чем-то себя занять, молодой прапорщик достал листок, всучённый старушками и стал читать. Мысли прыгали, как туземцы вокруг костра. “Перекуют мечи на орала, и копыя свои – на серпы ...” – прочитал он и тут же мысль: “Представляю, как Васька Зюзин удивится, когда меня в форме увидит!...и не будут более учиться воевать”. Так и ехал, пока не уснул, размождённый припекающим через окошко солнышком.

Люсина Алька была главным заводилой в мальчишеских играх. Все знали, если во дворе шум и гам, значит это Алька вышла погулять. Она любой серый день могла превратить в праздник. Вот краснокожие с улюлюканьем осаждают форт бледнолицых, в другой раз стол посреди двора превращается в пиратскую шхуну и чёрный флаг с весёлым Роджером пугает проходящих мимо, крестящихся старушек, то страшные инопланетяне захватывают Землю или партизанский отряд взрывает фашистский склад боеприпасов. Эта рыжая, худенькая девчужка могла весь день гонять футбольный мяч или купаться и загорать на городском пляже. Самое удивительное, что училась она на одни пятёрки и с лёгкостью осваивала школьную программу и то, что давали сверх неё. Кроме всего прочего, Алька тренировалась в секции гиревого спорта и без видимых усилий могла поднять сто раз пудовую гирию. Никто не верил, что такая изящная девочка столь сильна, но для Люсиной не было непреодолимых препятствий, наоборот, чем сложнее была задача, тем интереснее было неуёмной выдумщице и экспериментатору.

Закончив школу с золотой медалью, чемпионка России и Европы, мастер спорта Люсина Альбина неожиданно для всех поступила в архитектурный институт, опять же решив круто повернуть свою жизнь в другую неизведанную сторону. В этом была её жизнь. Такие перемены заставляли её опять собирать все силы в кулак и идти к новой цели. Всё это доставляло Альбине огромное удовольствие, не давало скучать и наполняло жизнь смыслом.

Сегодня утром она успешно сдала очередной зачёт и могла просто погулять в парке. Ей нравилось бывать здесь. Город порой надоедал шумом и суетой, а в глубине парка было тихо и уютно, словно ты на необитаемом острове, посреди океана. Альбина села на лавочку возле фонтана и стала наблюдать за тем, как падающие струи воды разбиваются о камни у подножия фонтана и переливаются радужным цветом в сиянии солнца. Она представила себя путешественником, стоящим у прекрасного водопада там, где ещё не ступала нога человека.

– Извините! Здесь свободно? – услышала Люсина женский голос.

– Да, пожалуйста! – пригласила она присесть черноволосую девушку, на вид её ровесницу.

– Красиво! Не правда ли? – девушка показала рукой в сторону фонтана.

– Да, красотища! – подтвердила Альбина.

– Меня Викой зовут, а вас как, если не секрет?

– Альбина, можно просто Аля и на ты, – улыбнулась Люсина.

– Хорошо. А ты часто здесь бываешь?

– Не так, как хотелось бы. Учёба, тренировки – некогда, но как есть свободная минута бегу сюда. Тут здорово! Чувствуешь единение с природой!

– Я тоже люблю здесь бывать и читать. Здесь тихо, хорошо, спокойно.

– А что ты любишь читать? – спросила Аля, она тоже много читала и ей страшно нравилось это занятие.

– В основном читаю Библию и разные публикации, которые её объясняют.

– Библию!? – удивилась Люсина, подозрительно посмотрев на Вику.

– Да, а что тебя удивляет? Библия очень интересная книга, к тому же очень полезная.

– Ты серьёзно? Ведь ей тысяча лет, она стара, как мир!

– Тем удивительнее, что её советы до сих пор актуальны.

– Ты шутишь! – Альбина засмеялась. Наивность этой девчонки забавляла, но посмотрев в глаза Вики, она вдруг поняла, что та ничуть не обиделась на её сарказм в тоне, более того девушка засмеялась и задорно сказала:

– Да пыль веков и замурённые мысли то, что надо для меня. Люблю всё проверенное и испытанное временем. Люблю надёжность!

– Так за тысячу лет её изменили до неузнаваемости. Я слышала, что Библию каждый пишет под себя. У православных одна, у католиков другая, у протестантов третья.

– О, ты неплохо в религии разбираешься! Но тут с тобой не соглашусь, что Библия разная. Трактуют её по разному, а Библия, что у православных, что у католиков, что у протестантов – одна и та же.

– Не может быть!

– Проверь и убедись сама, а я могу помочь, потому что уже прошла этот этап.

Так началась многолетняя дружба Альбины с Викой и Библией.

Выпускники библейской школы собрались для общей фотографии. Скоро выпуск. Два месяца насыщенного обучения пролетели, как один день. Виктор стоял рядом со своей женой Альбиной. Они были безмерно счастливы.

Кто бы мог подумать, что маленький трактатик о библейских обещаниях так круто повернёт его жизнь. Нет, тогда в автобусе прочитанное пролетело мимо ушей и мимо сердца спешащего домой гвардии прапорщика Просина. Засунув листок в карман и застегнув его на

пуговицу, Виктор забыл о нём до того злополучного наряда, когда комбриг отчитал его, как мальчишку на глазах у матросов и заставил разметать веником лужи на плацу. Униженному прапорщику не хотелось жить. Придя вечером в общагу, Виктор достал фляжку припрятанного шила (спирта) и не торопясь выпил его. Потом вынул брючный ремень, соорудил петлю и стал привязывать её к дверному косяку. Закончив это дело, морпех решил написать письмо и извиниться перед родителями за то горе, которое причинит его смерть. Похлопав по карманам, почувствовал листок в одном из них, расстегнул пуговицу и достал тот самый трактат, что всучила ему бабулька на остановке. Виктор стал медленно читать. Чем больше он читал, тем сильнее трогало его написанное. В трактате говорилось о Боге, который ради нас отдал на смерть своего сына. Неожиданно Просин понял, что Бог не хотел, чтобы мы жили так, как живём сейчас, что у него есть грандиозный замысел покончить со злом и сделать всю землю раем, оставив в нём только тех, кто желает его слушаться. Эта мысль кольнула в самое сердце. Виктор сел на пол и заплакал.

Утром он написал рапорт и через полгода пройдя кучу препонов уволился, пошёл работать в сельскую школу учителем труда. Нашёл тех, кто распространял те трактаты, стал изучать с ними Библию, потом крестился и стал одним из них. Теперь Виктор сам ходил по домам и нёс людям весть, которая спасла ему жизнь. На одном из конгрессов тех, кто желает жить по Библии, Виктор познакомился с Альбиной. Через два года они поженились, а ещё через два года были приглашены в библейскую школу, которую сейчас заканчивали. Они стояли улыбаясь перед фотографом, и думали, как жаль, что учёба подошла к концу. В то же время они радовались, что могут теперь ещё лучше помогать людям узнать Бога. Им не терпелось поскорее применить то, чему их здесь научили.

5. Родина

“Доколе, Господи, я буду взывать, и Ты не слышишь, буду вопиять к Тебе о насилии, и Ты не спасаешь?”(Аввакум 1:2)

Гражданская война рвала в клочья измученную голодом и людским горем страну. В Лебяжьем, как и в других, израненных жестокой междоусобицей, деревнях многострадальной России остались одни бабы, старики и детвора. Шла вторая весна страшного лихолетья. Земля парила, жадно впитывая последние проталины снега. Время пахоты и сева. Дед Силантий кряжистый мужик с пышной бородой земляного цвета, в потёртой, засаленной шубе, сплошь украшенной большими и малыми заплатами, поправлял упряжь на старом мерине Савраске. Единственный конь был на вес золота в такое страшное время. Подтянув подпругу и щёлкнув вожжами по ребристому боку животины Силантий присвистнул и крикнул:

– Но, родимый! – и пошёл рядом, потом повернул голову на огромную женщину, навалившуюся на деревянную соху, которую тащил Савраска. – Матрёна, ты не шибко то налягай, а то коняка вас с сохой двоих не сдюжит!

– Так я слеганца, диду, – пробасила Матрёна.

– Твоё слеганца у Савраски в паху грыжей вылезет! – под смех детворы, окруживших пахарей, рывкнул дед.

Митька Иванов подбежал к сохе и хохоча крикнул:

– Ты, тётка Мотя, смотри соху не сломай, а то пахать носом придётся.

– Пошёл прочь, чертёнок! Без тебя тошно, – пригрозив кулаком, крикнула Матрёна и опять налегла на соху.

Митька пнул потрёпанными лаптями мохнатую кочку и побежал домой. Мать с младшими сестричками сажала в огороде картошку. Увидев сына, она громко закричала:

– Ты где пропал, засранец! Опять в поле бегал? Вот я тебе сейчас зад надеру! А ну иди сюда! – она воткнула лопату в землю и направилась к, понурившему голову, Митьке.

Василиса, стройная женщина, тридцати лет отроду, быстро шла к сыну, вытирая руки подолом платья. По пути сорвала хворостину и, подойдя ближе, несколько раз сильно ударила Митьку ниже спины. Тот, стиснув зубы, выдержал уже привычное наказание.

– А ну марш картоху сажать! – уже менее строгим голосом, сказала Василиса и толкнула сына в спину.

В огороде они провозились до обеда. Потом наскоро похлебали щавельные щи с чёрным хлебом. Манька и Глашка – Митькины сестрёнки принялись мыть посуду. Мать прилегла отдохнуть на широкую полку возле окна. Солнце наполнило горницу ярким весенним сиянием, дразня задорными переливами на всём, что попадало под горячие лучи. Митька дождался, когда мать уснула, выскочил во двор и побежал к берегу пруда. Там у него шло строительство крепостной стены в виде плетня из ивовых веточек. Из камешков-голышей были построены сторожевые башни. Крючковатые ветки-рогатульки служили защитниками нехитрого укрепления. Вставив последний пруттик, Митька почесал затылок, довольно осматривая игрушечную крепость. Потом отошёл на несколько шагов от неё к небольшой кучке камней, которую приготовил заранее для обстрела крепости.

– По врагам трудового народа огонь! – скомандовал сам себе и стал бросать камни, безжалостно разрушая итог двухдневного строительства.

Бросив в цель последний булыжник, Митька выхватил из-за пояса самодельную саблю из ветки клёна и побежал в атаку на оставшихся врагов. Он резко бил направо и налево в пух и прах разрушая уцелевшие укрепления. Когда от крепости осталось голое место, уставший завоеватель вытер пот со лба и довольно осмотрел поле боя. Враг был разбит, дело сделано. Под ногами валялся ивовый пруттик и жёлудь, один из дюжины, что грозный завоеватель притащил

из леса на прошлой неделе. Митька схватил жёлудь и зашвырнул его в соседний двор, а прутик воткнул на месте, где совсем недавно стояла вражеская крепость. Потом звонко сплюнул себе под ноги и насвистывая задорную песню пошёл к хате, засунув руки в карманы.

Дмитрий Трофимович Иванов стоял возле родного дома и не мог поверить, что всё закончилось. Не будет больше бомбёжек, ночных атак и караулов, не надо заставлять себя не бояться, не надо бояться, что эта атака или этот караул последнее, что будет в жизни. Война закончилась! Для него закончилась, но забыть её он уже не сможет, да и пустой рукав гимнастёрки никогда не позволит забыть, почему у него теперь только одна рука. Как жить? Как он будет столярничать и плотничать, чем зарабатывать на жизнь? Эти вопросы мучили демобилизованного солдата, но предвкушение встречи с семьёй волновало больше. Как часто он представлял себе это мгновение! Как часто лёжа на жёстких нарах в холодной землянке он видел свой дом, иву на берегу пруда, родителей, маму в красно-белом платье и огромном платке с невероятно красивыми цветами, обрамлёнными увесистой тёмно-синей бахромой.

Смеркалось. Ночи не терпелось взять бразды правления в свои руки. Она зажигала на быстро потускневшем небе одну за другой маленькие звёздочки. Серая хата засветилась небольшими окнами. Солдат подошёл к одному из них и заглянул внутрь. Сердце сжалось, слёзы навернулись на глаза. Он быстро вытер их рукавом и тихонько постучал.

Уже на следующий день, только солнце выползло из-за соседнего леса, как в дверь постучали. На пороге перед заспанным Дмитрием стоял вечно старый дед Силантий с ключами в руках.

– Здорово, Трофимыч! – задорно сказал дед и протянул руку хозяину. – С возвращением! А я к тебе по делу. Вот ключи от конторы, принимай у меня колхоз, Трофимыч. А то меня бабы уже заподали! Старый я председателем быть, теперь ты руководи.

Дед Силантий сунул ключи в руку ничего не понимающего Дмитрия и не дождавшись ответа, развернулся и быстро поковылял к своему дому. Так у Иванова появилась новая работа. Он тогда и представить себе не мог, что эта работа станет делом всей его жизни. Сначала он отказывался, но на первом же колхозном собрании все единогласно проголосовали за нового председателя.

Дмитрий Трофимович очень любил свою деревню и старался во чтобы то ни стало сделать жизнь односельчан лучше. Бессонные ночи, отсутствие выходных и отпусков стало привычным делом для однорукого председателя. Не жалел он ни себя ни тех, кто работал в колхозе, порой забывая, что цель – сделать жизнь лучше, многих лишила простых радостей теперешней жизни. Сам Дмитрий Трофимович домой приходил только ночевать и то не всегда. Родные, видели его только по праздникам, чаще всего на трибуне или в президиуме очередного общеколхозного собрания. Иванов оправдывал себя, что всё это ради них, ради тех, кто так дорог. В конце концов, только не жалея себя в работе он может отблагодарить Родину за то, что она дала ему свободу. Тот, кому было предначертано всю жизнь батрачить на богачей, теперь сам полноправный хозяин этих мест и может помогать людям строить их светлое будущее. Так думал Дмитрий Трофимович в те минуты, когда мысли: “А где же счастье? Когда оно придёт?” начинали подтачивать его веру в то, что долгожданное светлое будущее однажды наступит.

Всё рухнуло также неожиданно, как и началось. Ночью к его дому подъехало несколько машин, в дверь постучали. Заспанный председатель открыл дверь. В комнату вошло несколько человек в форме. Старший предъявил удостоверение и ордер на арест. Потом был закрытый суд и суровый приговор за антисоветскую деятельность, как сказал судья: “За намеренный срыв посевной кампании и саботирование постановления районного комитета партии”. За былые заслуги Иванова расстрел заменили на двадцать пять лет лагерей.

Холодным ноябрьским днём 1953 года Дмитрий Трофимович Иванов опять возвращался в родное Лебяжье. Подойдя к родному дому он остановился, достал кисет, свернул сигарку и закурил. Потом подошёл к иве и заплакал. Он вспомнил детство, вражескую крепость на этом месте и то, как лихо он её разрушил. Сейчас такая же пустота была в его сердце, как на месте той крепости. Как жить дальше? Как смотреть людям в глаза, ради которых он не жалел себя? Ведь по доносу одного из односельчан шесть лет жизни были вычеркнуты навсегда. Бывший председатель стоял и плакал, а Ива старалась погладить его своими ветвями и успокоить. Ведь несмотря ни на что жизнь продолжалась и она прекрасна!

6. Работа

“Итак, лучшее, что я видел, – и оно прекрасно! – это есть и пить и наслаждаться добрыми плодами всего своего труда, которым человек занимается под солнцем все дни своей жизни, данные ему истинным Богом, потому что это его награда” (Екклезиаств 5:18)

В мастерской пахло свежей дубовой стружкой и олифой. Богдан Стефанович Сидорчук седовласый старик в кожаном фартуке и потёртой серой робе аккуратно устанавливал только что законченную бочку. Последнюю свою бочку, которую он делал с особым старанием и прилежностью. Впрочем, старый бондарь всегда добросовестно относился к любимому делу. С тех пор, как увидел рубанок в руках своего деда и выходя из него стружку, словно белый дым в зимний морозный вечер, поднимающийся над заснеженными хатками родного села. А этот запах! Нет ничего лучше на свете запаха молодого дуба! Маленький Бодя с раннего детства целыми днями пропадал в столярной мастерской.

Дед Марьян любил внука. После смерти сына этот курносый сорванец был его главной утехой и надеждой. Ведь надо передать кому-то своё ремесло. Сына уже не вернуть, погиб на германском фронте за царя и отечество. Только этот пострел, на него вся надежда, как бывало говаривал дед Марьян обсуждая будущее бондарного дела с мужиками. Без бочек ведь никак! Капустку засолить, огурчики и прочее: солонинку, например, или яблочек замочить на зиму. Как не крутись, без бочек никак не обойтись.

Богдан хватал всё налету. Дедова наука ему была в радость. Свою первую бочку он смастерил, когда ему не было ещё и десяти лет. До сих пор этот пятилитровый бочонок стоит здесь в мастерской, почерневший от времени и немного разошедшийся, как память о том судьбоносном дне, направившем всю жизнь Богдана Стефановича в счастливое плавание с любимым делом. Изготовление бочек стало для него всем. Здесь в мастерской он готов был дневать и ночевать, порою забывая о том, что за стенами мастерской течёт другая жизнь, не менее интересная и насыщенная. Старый Марьян и радовался за внука, но в тоже время переживал, что за бочками тот без семьи останется, поэтому порой просто выгонял Богдана на улицу.

– Досыть пылюку глотаты! Иды подыши трохи, никуды ци бочонки не динуться, – грозно говорил дед, когда за Бодей заходили дружки пригласить на какую-нибудь гулянку.

На следующий день хитрый старик незаметно выведывал у любимого внука, что да как: кто был на гулянке, что делали, были ли девчата, не приглянулась ли какая его внуку. Так старый мастер узнал, что внук влюбился в Любашку Хохлову, которая жила с бабкой Фёклой на краю села. Не долго думая, пока чувства внука не застудило любимое дело, Марьян снарядил сватов к Фёкле и уже в сентябре того же года сыграли скромную свадьбу. Так Богдан стал семейным человеком. Вскоре у них родился первый мальчонка, потом второй и третий.

Но семейная жизнь была не для Бодя. Бочки – вот где он чувствовал себя королём и повелителем. Во время войны его умение уберечь его от фронта. В глубоком тылу он был приписан к военным складам, где мастерил бочки для нужд фронта. Когда вернулся в родное село, опять от зари до зари пропадал в мастерской. После того, как дед состарился и умер, уже некому было его выгонять из неё. Богдановские бочки славились на всю округу, даже из соседних областей приезжали люди заказать его творение.

Сыновья росли без отцовской ласки. По-сути, Богдан Стефанович нашёл идеальный способ быть свободным от семьи. Зарабатывал он очень хорошо, почти всё отдавал жене и детям. Они не знали ни в чём себе отказа, покупали что хотели, жили в своё удовольствие и вскоре привыкли к такой жизни. Само собой ни к чему хорошему это привести не могло.

Жена очень скоро нашла себе тайного поклонника, потом второго, третьего и уже скоро всё село знало, что жена бондаря потаскуха. Сыновья, когда подросли последовали примеру матери, стали вести разгульную жизнь, поэтому новую беду ждать долго не пришлось. На одной

из гулянок среднему сыну Ивану проломили в драке оглоблей голову. До больницы его не довезли, умер по дороге. Старший Глеб решил отомстить за брата и пырнул ножом его убийцу. Был суд, после которого Глеба увезли в далёкий Магадан отбывать срок. Срок был немалый – 15 лет. Через восемь лет пришло извещение, что его привалило деревом на лесоповале. Так Богдан Стефанович остался с гулящей женой и младшим сыном Фомой.

Фомка был равнодушен к отцовскому ремеслу, но в отличие от братьев умел копить деньги, а не тратить их попусту. Он первым в селе купил себе велосипед, потом мопед и мотоцикл. Потом выучился на шофёра и стал возить председателя колхоза на трофейном джипе.

Богдан Стефанович старался не обращать внимание на похождения своих домочадцев, заперся в мастерской и работал до изнеможения. Так пролетали дни, недели, месяца, года. Жизнь текла, как река, то бурная, то спокойная унося с собой и боль и радости. Вскоре и в жизни сильно постаревшего бондаря появился глубокий мутный омут. В соседнем районе построили огромный сталелитейный завод и множество смежных фабрик и заводиков по производству всякой металлической всячины. Стали на этих заводах делать и бочки. Поскольку, большинство односельчан Сидорчука работало на таких заводах, то очень скоро почти в каждом дворе стали появляться металлические бочки, а старые рассохшиеся кадушки пошли на списание. Не прошло и пяти лет, как старый бондарь остался без заказов, никому не нужны были его чудо-бочки. Лишь иногда краеведческий музей просил прислать новый экспонат для выставки. Богдан Стефанович остался без работы. Омут затянуло тиной и вскоре он превратился в болото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.